

СЕРГЕЙ КИСИН

РОСТОВ ПАПА

История преступности
Юга России



18+

Бандитская Россия

Сергей Кисин

**Ростов-папа. История
преступности Юга России**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 343.32
ББК 67.99

Кисин С. В.

Ростов-папа. История преступности Юга России / С. В. Кисин —
«Издательство АСТ», 2019 — (Бандитская Россия)

ISBN 978-5-17-115432-5

Ростовский преступный мир всегда имел собственное лицо и уникальный, отличный от других крупных городов России «криминальный парфюм». С одной стороны, здесь было все, что полагается отечественной босоте и джентльменам удачи всех времен и народов: грубость, жестокость, цинизм, неразборчивость в средствах, ненависть к закону и его носителям, презрение к тем, кто не рискует поставить себя выше этого закона и жить «правильной» жизнью, по понятиям. С другой — донскую преступность всегда отличали пресловутые «ростовские понты»: лихость, бесшабашность, склонность к ярким рисовкам, показухе на грани авантюризма, неумеренность в веселье, изящество и профессионализм в работе, строгая иерархия и умение договариваться. Именно эта сторона и принесла городу затейливое прозвище «Ростов-папа», утвердившееся в криминальном мире России.

УДК 343.32
ББК 67.99

ISBN 978-5-17-115432-5

© Кисин С. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Ростовские понты	5
Часть первая	9
Музыкальная шкатулка	9
Двуглавый орел российского криминалитета	18
Биндюжник и король	18
«Прибыла в Одессу банда из Ростова»	22
Младенчество папы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Кисин

Ростов-папа. История преступности Юга России

Ростовские понты Вместо вступления

Понятие «Ростов-папа» уже более века является паттерном для многих поколений россиян. Да и не только. В начале 2017 года аналитики сайта Worldatlas составили рейтинг десяти самых криминальных городов мира. В преддверии планетарного футбольного первенства 2018 года это было весьма актуально. Ростов возглавил данный рейтинг. Насколько выводы аналитиков корректны и репрезентативны на фоне тяжеловесов вроде условных Гонконга, Токио, Мехико, Лос-Анджелеса, Марселя, Мумбая, Бангкока и т. п., это большой и спорный вопрос. Но несомненной аксиомой является тот факт, что почетный титул «папы» Ростов заслужил за все свое долгое существование в статусе одного из важнейших криминальных центров России. Здесь появился на свет и был выпестован яркий, ни на какой другой не похожий архетип классического представителя отечественного преступного мира, получивший наименование «ростовского честного босняка». В жизни которого всегда превалировали три источника и три составные части: никогда не жаловаться на жизнь, никогда не идти на сделку с совестью и никогда не предавать другого честного босняка.

Именно этот набор отличительных черт, особенностей и предрассудков оказался накрепко объединен столь узнаваемым термином «ростовские понты».

Ростовский преступный мир всегда имел собственное лицо и уникальный, отличный от других крупных городов России «криминальный парфюм». С одной стороны, здесь было все, что полагается отечественной босоте и джентльменам удачи всех времен и народов: грубость, жестокость, цинизм, неразборчивость в средствах, ненависть к закону и его носителям, презрение к тем, кто не рискует поставить себя выше этого закона и жить «правильной» жизнью, по понятиям. С другой – донскую преступность всех уровней всегда отличали пресловутые «ростовские понты»: лихость, бесшабашность, склонность к ярким рисовкам, показухе на грани авантюризма, неумеренность в прогуливании награбленного, изящество и профессионализм в работе, будь ты ширмач-карманник или налетчик-вентерюшник ¹, строгая иерархия и умение договариваться (с коллегами, конкурентами, полицией, властями, духовенством, фраерами-жертвами и пр.) в различных ситуациях. Там, где в иных городах и весях беседа вел исключительно «товарищ маузер», в Ростове компромисс находился на воровских сходнях-толковищах, в ресторанах, банях.

Дореволюционный ученый-правовед, профессор Московского университета Михаил Гернет писал: «Столицы и большие города – главное русло течения преступности страны. Мы говорим „главное русло“ потому, что они всегда и везде были не только сосредоточением в них значительной части преступности всей страны, но и местом, где некоторые формы преступности находили свою излюбленную „резиденцию“ или куда они прибывали, чтобы „блеснуть“ здесь своим особым блеском, своею изобретательностью, своею нередкою чудовищностью и удивить даже и тех, кто привык ко всяким видам и кого, казалось, более уже ничем не удивишь».

¹ На с. 462–471 «Толковый словарь ростовских уголовников».

Ростовский криминалитет никогда не вмерзал в айсберг консерватизма, а постоянно старался эволюционировать в зависимости от изменений внешних обстоятельств. Всегда будучи в тренде, дабы не оказаться в могиле. Оттого и степень договороспособности у него была выше, чем у его коллег из иных регионов. По той же причине и «бандитских войн» было гораздо меньше. Совсем как у Евгения Кемеровского: «Братва, не стреляйте друг в друга, вам нечего в жизни делить».

В Ростове не принято было мериться длиной стволов и пик, зато с особым удовольствием всегда мерились понтами. Местным уркам важно было не просто «подломить магазуху», а сделать это оригинально, нестандартно, с выдумкой, дабы поразить обывателей и пустить пыль в глаза коллегам. Мошенники придумывали сотни способов обмана фраеров, карманники изобретали десятки отвлекающих жертву маневров, домушники норовили проникнуть в помещение чуть ли не через замочную скважину и дымоход, чтобы поддержать реноме и «колотнуть понтяры». Распространенными ростовскими понтами были порой целые эпистолы, которые жульманы либо оставляли на месте преступления, поддразнивая жертвы, либо отсылали их в полицию, провоцируя фараонщиков. Мол, знайте, сявки, с кем имеете дело, а нам на вас наплевать с ростовской колокольни.

В местной дореволюционной прессе «понты» отмечали, пожалуй, даже с оттенком похвальбы: «Таких воров, как в Ростове, больше нигде нет... Скажите, где еще ухитрятся, пока вы мирно почиваете в комнате, из гостиной утащить ваши ботинки и платье? Где ухитрятся присвоить кипящий на вашей террасе самовар со всем чайным прибором и даже с банкой только что сваренного варенья? Где „рыцари индустрии“ столь изобретательны, что не боятся даже электрических капканов и решительно ни в грош не ставят никаких запоров?.. Если мне даже скажут завтра, что какой-нибудь вор ухитрился вытащить в оконную форточку концертный рояль Беккера, – я поверю без рассуждений.

Для ростовских воров нет ничего невозможного».

Для истинного ростовского правильного бродяги с цыганским складом натуры все же была характерна тяга к малой родине. К родным местам, хотя и не к конкретным людям. Люди предадут, родные же стены – никогда. Даже язык его заметно отличался от обычного южнорусского говора.

По языку да по одежке ростовцы (именно «ростовцы» – так жители города-папы величались до революции) безошибочно опознавали друг друга. Одежда – такая же неотъемлемая часть ростовских понтов, как и любой дорогой аксессуар. Классические голодранцы-босяки в начале XX века оставались в прошлом. Даже шпана мелкого пошиба следила за правильным прикидом.

Известный ростовский исследователь уголовного мира Александр Сидоров (Фима Жиганец) так описывает местных уркаганов: «Прежде всего, это были чрезвычайно аккуратные люди. Всегда в кипенно-белой или модной клетчатой сорочке, длинном – часто тоже клетчатом – пиджаке, в тщательно отглаженных „шкарах“ (брюках), заправленных в сверкающие „прохоря“ (сапоги) особым образом – с легким напуском. Сами сапоги были обязательно „гармошкой“, или, как тогда выражались, „зашилены третями“ – то есть сжаты как бы в три слоя. Ансамбль завершала кепка-восьмиклинка (сшитая из восьми кусков материи, с маленьким козырьком) и изящный белый шарф. Галстуков „босяки“ не признавали категорически».

Воры более серьезных мастей и вовсе мало чем отличались от лошивших мостовую утонченных ростовских денди-саврасов. Их специализация требовала следить за последними веяниями моды в одежде и прическе, дабы сходить за равного в самом изысканном обществе. Заподозрить в ком-то из них ловкого афериста или взломщика никому не приходило в голову. Поэтому столь часто в ростовских гостиных и салонах выявлялись в роли гостей отпетые жулики. Конечно, уже после того, как хозяева обнаруживали пропажу ценностей или понимали, что затеяли вроде бы выгодную коммерцию с хорошо воспитанными проходимцами.

Оценивать уровень разбросанных понтов на месте преступления приходилось уже полиции или восхищенным «коротким жакетам» (как называли криминальный элемент в Ростове) с воровской Богатыновки.

По меткому выражению местных обывателей, «если бы понты светились, то в Ростове были бы белые ночи». Фраза, рожденная в воровских малинах, со временем перекечевала в обычную небосаящую жизнь.

Понтами мерились известные купцы Гавриил Мелконов-Езеков и Карапет Чернов, поспорившие, кто построит самый большой и красивый дом в городе (один напротив другого). Понты раскидывал негоциант, картежник и кутила Петр Степаненко, владелец первого автомобиля в Ростове, спустивший в июле 1903 года два вагона сахара на мостовую, чтобы показаться на санях «по снегу» с веселыми девицами. Понты колотили скотопромышленники, коннозаводчики, мукомолы, пароходчики, зерноторговцы, на собственный кошт (ни в коем случае не в партнерстве) строившие в городе театры, больницы, училища, храмы.

«Понты дороже жизни», – говорят в Ростове на протяжении нескольких веков, приобретая на последние средства кровных рысаков, модные турнюры, сверкающие гарнитуры, хромированные авто, а спустя эпоху и навороченные тачки, крутые «котлы», клевый прикид, шикарные гаджеты и иные бесценно-бесполезные безделушки, преследующие цель пустить пыль в глаза и создать имидж держателя пакета акций собственной жизни на паритетных началах с Господом Богом.

Понты настолько срослись с ментальностью ростовцев, что даже в наши дни министр спорта советовал городским властям принимать инспекционную делегацию ФИФА перед чемпионатом мира 2018 года «только без этих ваших ростовских понтов».

Но вот как раз без них никак нельзя. «Белые ночи» обязывают. Ибо Ростов еще с колыбели «город-торгаш», а потому и «город-вор». Одно с другим идеально уживается, и понты присущи обоим. Торгаши и воры, как большая белая акула и ремора-прилипала, плыли по жизни, промышляя хищничеством и паразитизмом. В вечном противостоянии побуждая друг друга к хитроумному ловкачеству и прогрессивной изобретательности.

Еще в 1893 году здешний историк и публицист Григорий Чалхушьян отмечал: «Торговля здесь явилась раньше, чем поселение, и поселение с самого начала уже носило торгово-промышленный характер. Но город разросся благодаря наплыву разного звания людей. Эти люди приписывались в ростовские мещане, и в то время, когда купечество здесь твердо установилось и стало коренным местным населением, прилив людей в мещане по-видимому усиливался. Ростовский купец – старожил, ни история его, ни биография никому не известны; Ростовский же мещанин – новый человек, его история и биография известны каждому, либо он клейменный, либо помещичий человек, либо разжалованный поп, или вор казак. На всем Ростовском мещанстве вдруг легло пятно весьма сомнительного происхождения».

«Ростовский Гиляровский», журналист Алексей Свирский признавался: «Этот город крупных жуликов и мелких мещан сводит меня с ума!»

Может, поэтому к началу XX века местное купечество стало одним из самых зажиточных и оборотистых в империи, а местный криминалитет – одним из самых влиятельных и уважаемых в своих кругах. Конечно же, не благодаря понтам, а в силу необычайной сообразительности, целеустремленности, жесткости и коммуникабельности. Помноженных на южную пронырливость, брутальность, непосредственность и способность к адаптации к быстро меняющимся обстоятельствам. Именно эти качества как раз и свойственны «крупным жуликам» и «мелким мещанам» Свирского. И те и другие выросли из одной колыбели, и порой лишь случайные обстоятельства разводили их по разные стороны скамьи подсудимых.

Мы постараемся рассказать о той стороне жизни Ростова, о которой не принято было распространяться, стыдливо отводя взор и делая вид, что это приличных людей не касается. Однако именно эта сторона неизменно вызывала, пусть и опасливый, интерес обывателей, стре-

мившихся приподнять покров тайны, чураясь и осеняя себя крестным знамением. Именно эта сторона и принесла городу затейливое прозвище «Ростов-папа», утвердившееся за два века криминальной истории множества разбойников, налетчиков, карманников, домушников, мошенников, фальшивомонетчиков, шулеров, взломщиков, воров самого высокого класса и самого романтического склада. Такова жизнь страны, в которой блатную речь можно услышать повсюду – от бабушек на дворовой скамейке до министерских кабинетов.

Часть первая Папа в фас

Музыкальная шкатулка

Однако, как говаривал философ Рене Декарт, «сначала давайте определимся в понятиях, чем избавим человечество от половины заблуждений». Есть смысл обсудить то, что сразу же бросается в глаза при контактах с представителями уголовного, в каком-то смысле инопланетного, мира. Точнее, то, что льется в уши.

Особый интерес у многочисленных исследователей всегда вызывал специфический язык преступного сообщества, развивающийся одновременно с босаяцкой субкультурой России на протяжении столетий. За это время отечественная уголовщина не только разродилась собственной субкультурой, но и выпестовала целую коммуникативную систему, позволявшую безошибочно определять собеседника по принципу свой-чужой. Это характерно не только для россиян. Своим особым аргю (по-французски – *argot*) пользовались и средневековые французские бродяги-кокийяры, из среды которых вышел великий поэт Франсуа Вийон (у него есть даже несколько стихотворений на этом наречии, до сих пор не расшифрованных), и греческие контрабандисты, и итальянские мафиози, и японские якудза. Профессиональный сленг, который не могли бы распознать чужие, имелся у членов средневековых цехов, мастеровых, торговцев, ростовщиков, коннозаводчиков-барышников, моряков, военных и др.

У писателя Рафаэлли Джованьоли в романе «Спартак» готовящие мятеж в Капуе гладиаторы общаются друг с другом на специфическом жаргоне, совершенно непонятном для непосвященных. У Виктора Гюго в романе «Отверженные» парижская банда «Петушиный час» сыпала такими загогулинами, что даже кокийярам не снилось: «Брюжон возразил запальчиво, но все так же тихо:

– Что ты там звонишь? Обойщик не мог плейтовать. Он штукарить не умеет, куда ему! Расстрочить свой балахон, подрать пеленки, скрутить шнурочек, продырявить заслонки, смастерить липу, отмычки, распилить железки, вывести шнурочек наружу, нырнуть, подрумяниться – тут нужно быть жохом! Старикан этого не может, он не деловой парень!»

Сам Гюго уверял, что «арго – это язык тьмы». Той самой, откуда на свет божий выползают обитатели параллельного государства в государстве.

В полиции Пруссии в XIX веке даже было высказано предложение «у всех мошенников разорвать барабанную перепонку в ухе», дабы те не могли общаться между собой на аргю. В королевской берлинской тюрьме сидевшие на разных этажах в одиночках два поляка через перестукивание на аргю умудрялись даже играть в шахматы.

На Руси собственным языком пользовались новгородские разбойники-ушкуйники, распотешные скоморохи, суровые поволжские жгоны (валяльщики валенок), бродячие офени (коробейники). Последние, по одной из версий, как раз и дали название русской фене.

Знаменитый авантюрист и мошенник Василий Трахтенберг (который в начале XX века продал французскому правительству несуществующие марокканские рудники), составитель толкового словаря «Блатная музыка», утверждал, что нашел в рукописях XVII века шрифт офеней – особый «язык картавых проходимцев». Из него можно было узнать, что «котюры скрыпы отвандают, похання севрает шлякомова в рым, нидонять дрябку в бухарку, гируха филосы мурляет, клюжает и чупается». И всем офеням сразу понятно, что надо спешить, ибо «ребята ворота отворяют, хозяин зовет знакомого в дом, наливает водку в рюмку, хозяйка блины печет, подает и кланяется». А уж когда пройдет гулевище, надобно напомнить: «Масья,

ропа кимат, полумеркоть, рыхло закуренщать ворыханы». И хозяйка, кряхтя, должна подниматься, понимая, что уже полночь, офенской братве пора убираться, пока не запели петухи. Шпион-послух может спокойно отдыхать, ни бельмеса в этом не понимая.

Как раз красочные офенские обороты и были положены в основу русского аргю – фени, на которой сегодня «ботают» все – от школьницы до президента.

Впрочем, феней она стала уже в XX веке. А в эпоху Ваньки Каина и благородного разбойника Владимира Дубровского лихой люд не по «фене ботал», а «ходил по музыке». Свой профессиональный жаргон отечественная уголовщина ласково величала «байковым языком» или «музыкой». Они не разговаривали-беседовали-общались, а «ходили по музыке».

У Всеволода Крестовского в романе «Петербургские трущобы» варнаки в притоне между собой договариваются о нападении:

«Не дело, сват, городишь, – заметил на это благоразумный Викулыч. – С шарапом недолго и облопаться да за буграми сгореть. Лучше пообождать да попридержаться – по-тиху, по-сладку выследить зверя, а там – и пользуйся.

– А не лучше ль бы поживее? Приткнуть чем ни попало – и баста!.. У меня фомка востер! – похвалился Гречка».

«Музыка» шлифовалась годами и видоизменялась вместе с «великим, могучим, правдивым и свободным», включая в себя новые слова и обороты, распознаваемые лишь посвященными. Если обычная музыка людей объединяла, то «блатная музыка», напротив, сознательно отгораживала «мазурский мир» не только от полиции и их агентов, но и от остальных обывателей, ставя себя выше закона и вне общества. «Ходившие по музыке» считали себя людьми исключительными. Практически представителями иной религии, адепты которой предпочитали жить за счет того самого общества, от коего они дистанцировались с помощью лингвистического субстрата, замешенного на цинизме, изворотливости, подлости, жадности, люто́сти.

«Музыка» представляла собой жгучую семантическую смесь из остроумных площадных и острожных терминов, в которых, по выражению дореволюционного исследователя блатной лексики Сергея Максимова, «столь обычная тюремным сидельцам озлобленность обнаруживается уже в полном блеске».

Офенская лексика включала в себя множество заимствований из других языков, умышленно переиначенных на максимально непонятный лад. В то время как «блатная музыка» строилась на привычных словах в непривычном для них смысле.

Профессиональные торговцы-офени XVII века для арифметического счета нередко пользовались греческими словами, популярными в тогдашней, привычной к византийскому влиянию России: 1 — екои, 2 — здю, 3 — стрем, 4 — кисера (по-гречески, тэсэра), 5 — пинда (по-гречески, пэндэ), 6 — шонда, 7 — сезюм, 8 — вондера, 9 — девера, 10 — декан (по-гречески, дека).

У блещущих острожным остроумием мазуриков XIX века счет и денежные единицы больше ассоциировались с визуальным рядом: «трека» – трехрублевая ассигнация, «синька» – пятирублевая, «канька» – копейка, «гроник» – грош, «трешка» – 3 копейки, «пискарек» – медный пятак, «жирманщик» – гривенник, «ламышник» – полтинник, «осюшник» – двугри-венный, «жирма-беш» – четвертак, «царь» или «колесо» – целковый, «рыжик» – червонец, «сара» – полуимпериал, «капчук» – сторублевка, «косуля» – тысяча.

Офени советовали: «Клева капени по лауде», в то время как «музыканты» переводили: «Клево наверни по чердаку». А мы сказали бы, что один варнак посоветовал другому как следует врезать жертве по голове.

Офени требовали: «Еперь у каврюка чуху», мазурики шептали: «Стырь у грача теплуху». И мы могли бы догадаться, что предстояла кража шубы.

Офени рекомендовали: «Стрема, хлизь в хаз, бо смакшунит кичуха», босяки шипели: «Мокро, ухряй на хазу, а то сгоришь на киче (или на дядиной даче)». И урки пулей бросались прятаться по норам, дабы не угодить в каталажку.

За полтора столетия из офенского в воровской сленг переключалась масса слов: «кича», «кругляк», «лох», «мудак» (одно из наименований мужика), «хрен», «бусать» (бухать), «шпынь» и другие.

Байковый язык с середины XIX века начал проникать в Центральную Россию «из-за Бугров» (Уральских гор), из арестантских рот, сибирской ссылки да с сахалинской каторги.

Отсидевший в 1850–1854 годах в Омском остроге Федор Достоевский познакомил широкую публику с языком кандалников в своих «Записках из Мертвого дома». Именно от него рафинированные отечественные нигилисты узнали об образе жизни деклассированной прослойки общества.

На презентованном Достоевским языке честных бродяг это называлось «служить у генерала Кукушкина». То есть, подобно лесной кукушке, скитаться по белу свету, не отягощая себя детьми и домом.

Через 10 лет свет увидели «Петербургские трущобы» Всеволода Крестовского, где столичная «шпанская публика» являет миру просто жемчужины босаяцкой речи, которых «не взять» без специального переводчика: «Вечор я было влопался, насилу фомкой отбился, да спасибо звонок поздравил каплюжника дождевиком» (вчера вечером я было попался, да оборонился ломом, а мальчишка запустил в полицейского булыжником).

Анархистствующий князь Петр Кропоткин, будучи в 1860-х годах секретарем комиссии по подготовке реформы тюрем, писал в своей книге «Тюрьмы, ссылка и каторга в России»: «...из годового отчета Министерства Юстиции за 1876 год мы узнаем, что из 99 964 лиц, арестованных в течение года, только 37 159, т. е. 37 %, могло быть привлечено к суду, и из них еще 12 612 оправдано. Таким образом, более 75 000 человек было подвергнуто аресту и заключению в тюрьму без какого-либо основательного к тому повода; а из общего числа около 25 тысяч человек осужденных и превращенных в „преступников“, большое количество (около 15 %) мужчин и женщин просто нарушили установление о паспортах или какую-нибудь стеснительную меру нашего правительства».

Иными словами, за год 100 тысяч из 75 миллионов жителей империи надолго, порой на годы, окунулись в острожную атмосферу без всякого решения суда, где переняли не только нравы, но и байковый язык тамошней публики. 75 тысяч из них вернулись, если повезло, в течение года, на волю и пустили «музыку» гулять по ушам своих земляков да соплеменников. Из года в год музыкальные пласты наслаивались на повседневную речь, вращая в нее, пуская корни и прививая иноязычные ветви.

Живший на Сахалине в 90-х годах XIX века и исследовавший язык местных сидельцев Влас Дорошевич (который в начале XX века работал репортером в одной из ростовских газет «Приазовский край», с космическим на тот момент гонораром – 100 рублей за фельетон) писал: «У каторги есть много вещей, которых посторонним лицам знать не следует. Это и заставило ее, для домашнего обихода, создать свой особый язык. Наречие интересное, оригинальное, создавшееся целыми поколениями каторжан, в нем часто отражается и мирозерцание и история каторги. От этого оригинального наречия веет то метким добродушным русским юмором, то цинизмом, отдает то слезами, то кровью».

Систематизировать «блатную музыку» в России пытались неоднократно. Ее первые «ноты» зазвучали со страниц автобиографии самого Ваньки Каина (издана в 70-х годах XVIII века). Знаменитый вор-расстрига объяснял читателям, что «брат нашего сукна отправлялся на черную работу, где мог пошевелить в кармане, а порой и попотчевать сырого гостинцем» (вор ходил на дело, обчищал карманы, но иногда мог жертве и врезать кистенем). Если дело срывалось, случалась «мелкая раструска, и брат рисковал угодить в немшоную в „Стукаловом монастыре“» (в случае опасности вор-«купец пропалых вещей» мог загреметь в застенки Тайной канцелярии).

Его люди передавали в присутствии тюремщиков угодившим в «Стукалов монастырь» вора́м-неудачникам: «Трека калач ела, стромык сверлюк страктирила». И узник понимал, что в переданном ему калаче спрятаны запеченные в тесте ключи, чтобы отомкнуть замок кандалной цепи.

Ширмачи-карманники каиновской эпохи имели почти полторы сотни различных жаргонизмов. Ванькина «музыка» включала в себя лишь старославянские, финно-угорские, офенские, скоморошьи жаргонные «ноты». Множество диалектизмов употреблялись в различных регионах тогдашней России в обычной речи: «лярва» (харя на колядование), «на кой ляд» (апелляция к нечистой силе), «стерва» (дохлятина, падаль), «обапол» (вздорный человек), «огудина» (канат), «лататы» (побег), «локш» (неудача, провал), «крутить восьмерики» (жернова на мельнице), «туфта» (поддельный кусок мануфактуры), «фуфло» (мот, гуляка – по Далю), «шуры-муры» (арестантские щи), «майдан», «бабки», «базлать», «ботать», «маякнуть» и многое другое.

По мере расширения империи за счет Прибалтики, Финляндии, Речи Посполитой и появления в ней новых народов, в «музыку» вливались целые «октавы» еврейских жаргонизмов («хавира», «хевра», «ксива», «параша», «хипеш», «хохма»), немецких («фарт», «бан»-вокзал, «райзен»-гастроль, «шоттенфеллер» – магазинный вор, «фраер»), польских («капать», «коцать», «курва»), английских («шопошник» – магазинный вор, от английского shop, «хулиган», «шкет»), венгерских («хаза» – воровской притон, «мент» – плащ, накидка чиновников), французских («шпана», «шантрапа», «шаромыжник», «марьяжить», «шваль», «аржан»-деньги).

Во второй половине XIX века «блатная музыка» уже настолько цепко вошла в «рацион питания» варначьего сословия, что вся босота от мала до велика переняла байковую речь. А массовое знакомство с Сибирью народников, анархистов, эсеров-террористов, участников Первой русской революции и пр. возвратной волной привнесло в русский язык мощнейший пласт кандалной лексики.

Это вынудило полицию и Охранное отделение засесть за изучение затейливых семантических перлов. Дабы господа городовые понимали, кто «срубил шмеля да выначил скуржанную лоханку и рыжие веснухи с путиной» (украл кошелек и вытащил серебряную табакерку да часы с цепочкой).

Знаменитый этнограф и лексикограф Владимир Даль еще в 1842 году составил сборник «Условный язык петербургских мошенников» (сохранился в рукописном варианте), в котором в избытке фигурировали неславянские неологизмы. В 1859 году газета «Северная пчела» опубликовала «Собрание выражений и фраз, употребляемых в разговоре С-Петербургскими мошенниками». В 1869 году этнограф Сергей Максимов выпустил «Тюремный словарь и искусственные байковые, ламанские и кантюжные языки».

Свою лепту в изучение «музыки» внес лучший российский сыщик всех времен, начальник Сыскной полиции при Санкт-Петербургском обер-полицмейстере Иван Путилин, издавший в конце XIX века мемуары «Сорок лет среди грабителей и убийц» и специальный сборник «Условный язык петербургских мошенников». Со своими «клиентами» он разговаривал, как правило, один на один. На понятном им языке.

В 1908 году талантливый мошенник, ставший наблюдательным лингвистом в Таганской тюрьме, Василий Трахтенберг напечатал книгу «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы». А уже через год Василий Лебедев и Яков Балуев издали «Словарь воровского языка» (несколько тысяч слов и выражений), ставший настольной книгой для российской сыскной полиции начала века. К слову сказать, лучшей в мире по раскрываемости преступлений, что было признано в 1913 году на состоявшемся в Швейцарии Международном съезде криминалистов.

Именно в уголовной лексике конца XIX – начала XX веков появились термины и выражения, без которых современный русский язык не обходится ни дня.

К примеру, варнаки-каторжане и босяки в народном сознании постепенно перешли в категорию «блатных».

Один из лучших отечественных знатоков уголовных нравов Фима Жиганец (в миру – Александр Сидоров, естественно, ростовчанин) в своем исследовании пишет: «Собственно, и само словечко «блатной» (означавшее преступника) и «блат» (преступление) пришли в русское арго из еврейской среды – во всяком случае, через ее посредство. Вообще же корни «блата» лежат в немецком арго, где *blatte* – одно из названий воровского жаргона, *platt* – свой, заслуживающий доверия. Как раз именно последнее значение было в русском жаргоне первоначальным. Александр Куприн в очерке 1895 года «Вор» («Киевские типы») писал: «Промежуточную ступень между ворами и обыкновенными людьми составляют «блатные», то есть пособники, покровители или просто только глядящие сквозь пальцы люди всяких чинов и званий. Сюда относятся: разного рода пристанодержатели, дворники, прислуга, хозяева ночлежных домов и грязных портерных». «Блатной» – это уже чисто русское производное (в польском произношении – *blatny*)».

Блатными стали те, кого раньше поголовно называли мазуриками во главе с их вожаками – мазами. Ванька Каин – маз для своей шайки – любил повторять: «Когда маз на хаз, то и дульяс погас» (когда атаман в избе, то и свет надо гасить, дабы не привлекать внимания).

Владимир Даль выводил происхождение понятия «мазурик» от новгородского «мазурник», «мазурин» (или от мозуль – замарашка, оборванец). Так называли обычного карманника, «мазурничающего» по мелочам в людных местах: на ярмарках, торгах, в портах, живущего за счет копеечного «сламу» (добычи) без претензии на особый статус в криминальном мире.

К началу XX века понятие «мазурик» совершенно утратило свой уголовный подтекст, став в обиходе синонимом плута, ловкача, прощелыги. Зато блатные окончательно утвердились в сознании обывателей как особая каста, образующая своеобразное государство в государстве.

Всем до боли знакомо название уголовника – урка, уркан, уркач, уркаган. Его происхождение (как и в случае с другими жаргонизмами) имеет массу версий. Но в XIX веке это была устойчивая аббревиатура, обозначавшая УРочного КАторжанина – урка. Так же как в XX веке аналогичную аббревиатуру дал термин «ЗАключенный КАналоармеец» – ЗК, или в не менее знакомого ээка.

Урки на каторге выполняли рабочие «уроки» – дневную норму выработки на руднике, необходимую, чтобы вернуться в острог. Иначе следовало наказание вплоть до розог (отменены лишь в 1903 году).

В «Записках из Мертвого дома» Достоевского читаем: «Я простился с Акимом Акимычем и, узнав, что мне можно воротиться в острог, взял конвойного и пошел домой. Народ уже сходился. Прежде всех возвращаются с работы работающие на уроки. Единственное средство заставить арестанта работать усердно, это – задать ему урок. Иногда уроки задаются огромные, но все-таки они кончаются вдвое скорее, чем если б заставили работать вплоть до обеденного барабана. Окончив урок, арестант беспрепятственно шел домой, и уже никто его не останавливал».

На каторге этот термин закрепился с ударением на последней гласной: «уркИ», «уркОв».

Народоволец Петр Якубович пишет в своих воспоминаниях «В мире отверженных»: «... Старательские. Работа рудничная за плату так зовется – сверх, значит, казенных урков... Казенного урку десять верхов выдолбить полагается». С каторги в Центральную Россию пришло и другое слово – «шпана».

Шпанкой в Сибири называли овечье стадо, «шпанской публикой» в России стали именовать простых арестантов-кандалников – сброд, оборванцы, низшая каста уголовного мира. Выходцы из крестьян, попавшие в заключение часто случайно, из-за мелких преступлений.

Влас Дорошевич в своей «Каторге» описывает эту публику так: «„Шпанка“ безответна, а потому и несет самые тяжелые работы. „Шпанка“ бедна, а потому и не пользуется никакими

льготами от надзирателей. „Шпанка“ забита, безропотна... „Шпанка“ – это те, кто спит, не раздеваясь, боясь, что „свиснут“ одежку. Остающийся на вечер хлеб они прячут за пазуху, так целый день с ним и ходят, а то стащат. Возвращаясь с работ в тюрьму, представитель «шпанки» никогда не знает, цел ли его сундучок на нарах или разбит и оттуда вытащено последнее арестантское добро... „Шпанка“ дрожит всякого и каждого. Живет всю жизнь дрожа...»

Василий Трахтенберг уточняет: «Живя в одном помещении, дыша одним воздухом, питаясь одинаковою пищею, нося одинаковую одежду, ведя одинаковый образ жизни, думая об одном и том же, – все эти люди, наподобие супругов, постепенно влияя друг на друга, делаются почти во всех отношениях похожими друг на друга; они приобретают одинаковые взгляды на жизнь, один передает другому свои недостатки, каждый „дополняет“ другого, резкие различия между ними сглаживаются, и образуется „шпана“. Зовется также „кобылкою“».

Однако уже в начале XX века из-за наплыва на каторгу далеких от уголовщины политических заключенных и участников вооруженных восстаний уголовная «шпанка» перестала быть Панурговым стадом, открешиваясь от неблатных, и постепенно превращалась в «пехоту» босяцкого мира, самое массовое ее боевое подразделение, потеряв суффикс «к» и став уже «шпаной». Впрочем, среди далекой от криминального мира публики она приобрела массу уничижительных прозвищ: урла, шантрапа, шваль, шушера, шелупонь, босота, гопота и т. п.

В то же время ни в заключении, ни на воле шпана больше не была ни презираема, ни гонима.

Зато обратный путь по блатной лестнице совершили жиганы – синоним обычного уличного хулиганья в современном просторечии.

Происхождение этого термина исследователи выводят от углежогов и дровожогов на солеварнях, винокурнях, металлургических заводах еще петровских времен. Люди отчаянные, забубенные, работавшие на каторжных казенных предприятиях в любую погоду, в тяжелых условиях, когда спереди одежка на них от жара плавилась, а на спине от испарений покрывалась ледяной коркой. Жиганы долго не жили, оттого и пользовались славой сорвиголов, которым терять нечего.

В середине же XIX века жиганами стали называть уже авторитетных каторжан, пользующихся всеобщим уважением среди кандалников.

У Всеволода Крестовского в «Петербургских трущобах» Кузьма Облако и жиган Дрожин ведут такой диалог:

– На то ты и жиган, чтобы всю суть тебе произойти; такая, значит, планида твоя, – заметил ему на это Облако, несколько задетый за живое этим высокомерным отношением к его сказкам.

– Жиган... Не всяк-то еще жиганом и может быть!.. Ты поди да дойди-ка сперва до жигана, а потом и толкуй, – с гордостью ответил в свою очередь задетый Дрожин. – Ты много ли, к примеру, душ христианских затемнил?

– От этого пока господь бог миловал.

– Ну, стало быть, и молчи.

– А ты нешто много?

– Я-то?.. Что хвастать – мне не доводилось, не привел господь, а вот есть у меня на том свете, у бога, приятель, тоже стрелец савотейный был за Буграми, так тот не хвалючись сам покаялся мне в двадцати семи. Вот это уж жиган – так жиган, на всю статью!»

Ростовский журналист XIX века, работавший в 90-е годы в газете «Приазовский край», автор книг «Ростовские трущобы» и «По тюрьмам и вертепам» Алексей Свирский относил тогдашних жиганов к высшему разряду воровского сообщества – к «фартовикам».

Отсидевший 20 лет в ГУЛАГе польско-французский коммунист Жак Росси в своем «Справочнике по ГУЛАГу» так классифицирует эту категорию босоты: «Жиган, или жеган, – молодой, но авторитетный уголовник, вожак».

Однако уже на рубеже веков термин «жиган» начал наполняться другим смыслом: неудачливый, проигравшийся вдрызг картежник. Влас Дорошевич в «Каторге» описывает жиганов как опустившихся, потерявших уважение заключенных, проигравших деньги, одежду, пайку хлеба за несколько месяцев, чье место на полу под нарами. Предмет насмешек для всей каторги.

Постепенно жиганы в России превратились в куклимов четырехугольной губернии – обычных бродяг с мелкоуголовными наклонностями, вызывавших у обывателей не страх, а презрение.

В словаре Василия Лебедева – Якова Балужева (1909 год) уже значится: «Жиганы – низший класс арестантской среды, тюремный пролетариат».

У Аркадия Гайдара в повести «Р. В. С.» один из главных героев носил прозвище Жиган, пугая им местных жителей. В конце повести победившие с его помощью красные «написали ему, что «есть он, Жиган, – не шантрапа и не шарлыган, а элемент, на факте доказавший свою революционность», а потому «оказывать ему, Жигану, содействие в пении советских песен по всем станциям, поездам и эшелонам».

По сути, теперь уже «на цирлах» никто перед жиганами не ходил, и уж тем более королями шпаны они не были. Жиганы скатились в уголовной иерархии до положения обычных «яманных сявок», жмуток-босяков.

Тем не менее жиганы, в отличие от шпаны, сохраняли за собой «братское» уважение в преступном мире, хотя и не имели четко выраженной воровской специализации.

Известный большим разнообразием трактовок современный пренебрежительный термин «лох» в «отвернищом» (отвращенном) языке Руси Залесской обозначал обыкновенного мужика. В Толковом словаре Даля лох трактуется как обессиленный лосось, «облоховившийся по выметке икры». Исследователь языка пишет: «Лосось для этого подымается с моря по речкам, а выметав икру, идет еще выше и становится в омуты, чтобы переболеть; мясо белеет, плеск из черни переходит в серебристость, подо ртом вырастает хрящеватый крюк, вся рыба теряет весу иногда наполовину и называется лохом».

Впоследствии лохом карточные шулеры начали называть жертву мошенничества, которую предстояло обжулить за ломберным столиком, а затем и любую простодушную потенциальную жертву преступления.

В настоящее время лохом для уголовного мира является любой человек, к этому миру не принадлежащий.

Лучше изучено сегодня происхождение жаргонизмов, описывающих представителей закона.

Слова «мусор» и «лежавый» обязаны своим появлением официальным структурам полиции Белокаменной. Сотрудники самого лучшего в мире московского уголовного сыска носили на лацкане пиджака овальный значок, на котором был изображен карающий меч закона острием вниз, как бы протыкающий восходящее солнце в обрамлении кумачовой ленты, с нанесенной на нее профессиональной аббревиатурой МУС. В советское время почти такие же значки-«меченосцы» были в ходу у Московского и Ленинградского уголовного розыска (МУР и ЛУР).

Секретные же сотрудники, не желающие себя афишировать, уже за лацканом пиджака прикрепляли специальные жетоны с изображением бегущей собаки породы легавых – одних из лучших охотничьих собак. В нужный момент они предьявляли отворот пиджака официантам, дворникам, городовым, прислуге и пр., обязывая их к содействию.

В «Списке слов воровского языка, известных полицейским чинам Ростовского-на-Дону округа», изданном в военном 1914 году, находим такое определение: «Мент – околоточный надзиратель, полицейский урядник, стражник или городской».

Служители закона в холодное время года пользовались специальными накидками – ментами. У гусар верхняя одежда называлась ментик. Это и побудило «шпанскую публику» дать им презрительное прозвище «менты».

Естественно, что в разных регионах необъятной Российской империи блатная «музыка» использовала свои, местные «ноты».

На юг России ее приносили многочисленные «лишаки» (лишенные прав), «стрельцы саватейские» – урки, бежавшие с каторги.

Здесь в эту симфонию добавлялись украинские, тюркские, греческие, армянские, еврейские, молдавские, цыганские и казачьи «аккорды». Свой сленг был у бурлаков (историк Аполлон Скальковский называл Ростов «бурлацким городом»), контрабандистов, чумаков, коробейников, портовиков, табунщиков и пр. К этому стоит добавить чисто донские, волжские, кубанско-запорожские, калмыцкие веяния.

В конце концов ростовский говор (как и одесский) со своей необыкновенной фрикативной турбулентностью и узнаваемым во всем подлунном мире согласным «гхэ» даже в блатной музыке заиграл собственными обертонами.

Довольно часто то, что у босяков Центральной России означало одно, в Ростове подразумевало нечто другое. «Музыка» со временем претерпевала изменения, и, случалось, одно и то же слово приобретало прямо противоположный смысл.

К примеру, среди ростовских босяков вплоть до начала XX века словом «фараон» называли пьяную уличную шпану, пристававшую к прохожим, главным образом к девицам, промышлявшую мелким гоп-стопом (грабежами) и локальным мордобоем. В то время, как во всей Европе фараонами именовались исключительно полицейские. Лишь после 1901 года, когда отгремела англо-бурская война, вызвавшая в России мощный прилив англофобии, империя познакомилась с уличными подвигами буйного ирландца Патрика Хулигена. Его имя быстро стало нарицательным, и бывших ростовских фараонов перекрестили в блатняков-хулиганов (или чмундов). А собственно фараон в значении «полицейский, городской» в ростовской «музыке» не прижился. Здесь служителей закона именовали духами, михлютками, бутырями, фигарисами, каплюжниками.

Слово «баланда» в России известно, вероятно, каждому, включая тех, кому не посчастливилось хоть раз ее хлебнуть. Тюремная пища никого не оставляла равнодушным.

В Ростове же баландой называли пустые разговоры, ерунду («не гони баланду»), с хлебом насущным не имеющую ничего общего.

Термин «бог» здесь тоже обозначал отнюдь не высшую силу. Только в Ростове слово «бог» приобрело совсем другой, святотатственный смысл: так называли вожака бандитской шайки-хоровода. Отсюда и распространившееся на Дону в начале XX века и употребляемое поныне понятие «боговать» – важничать, зазнаваться.

Ох ты, бог, ты мой бог,
Что ты ботаешь,
На дикохте сидишь,
Не работаешь.

Дикохтой в Ростове называли чувство голода, хорошо знакомое социальным низам.

В Центральной России и по сей день волевой называют огнестрельное оружие бандитов. В Ростове же это слово имело два значения, причем совсем другие: воровской ломик-фомка и желание «заволынить» – затеять драку.

Случалось, «музыка» искажала влившиеся в нее новые слова под влиянием северных и южных диалектов.

Скупщиков краденого в северных столицах начала XX века величали маклаками (у Даля маклачить – сводить продавца и покупателя, плутуя при этом), мешками, блатаками («Словарь жаргона преступников» С. М. Потапова, 1927 год) либо блатокаями. Последнее особенно показательно, ибо редуцированный «блатокай» или «блатырь-каин» – это искаженный южный термин «блатер-каин», то есть барыга.

Северный жаргонизм «хипес» (вид вымогательства при участии хипесницы-проститутки) на юге превратился сначала в хипиш, а затем в кипиш – тревогу, волнение, опасность.

Петербургские сыщики-зухеры (словарь Лебедева) в Ростове обозначали совсем иное понятие – сутенеров.

Воровской вопль «Стрем!» (опасность) в Ростове искажился до «стремного» – совсем в другом значении: страшный, непривлекательный, постыдный. И из той же серии: столичный «Шухер!» на Дону превратился в нечто противоположное – «шухарной», то есть смешной, забавный, озорной.

Впрочем, со временем и по всей России за счет массового роста варнацкого сословия и промышленного прогресса многие байковые «ноты» в «музыке» заменялись на иные. С середины XIX века до конца первой четверти XX века прежние часы-веснухи превратились в канарейки, бока или бани, цепочки-путины – в арканы, кошельки-шмели – в шишки, франкофонные воры-жоржи стали торговцами (вор пошел на дело – «пошел торговать»), рынок-майдан стал обозначать поезд, вокзал. А майданниками в Ростове теперь называли не базарных жуликов, окрещенных тут халамидниками, а железнодорожных воров.

Фраера из жертв преступников или обычных обывателей со временем превратились в честных фраеров, став по важности чуть ли не вторыми после воров в уголовной иерархии России.

После революции и Гражданской войны русский язык затопил поток всякого рода неологизмов, утянувший в омут и сам термин «музыка». Босяки, беспризорники и уголовники 20-х годов уже не пользовались байковыми напевами, а вовсю ботали (в словаре Даля это значит толочь грязь, болтать воду) по обновленной «фене». На ней же зачастую общались прошедшие тюрьмы и каторгу большевистские лидеры, командовавшие полубандитскими отрядами в Гражданскую войну комиссары, досыта хлебнувшая дружбы народов новая пролетарская интеллигенция. «Музыкальный» ящик Пандоры был открыт, и пошла чесать языком губерния.

Двуглавый орел российского криминалитета

Биндюжник и король

Извечный матримониальный дуэт межэтнической криминальной ментальности – Ростов-папа и Одесса-мама – давно стал объектом исследования специалистов в самых разных сферах – от одержимых теорией Ломброзо криминалистов до вдохновленных «солнцем русской поэзии» лингвистов.

Эти два города в силу своей географической отдаленности, по сути, никогда экономическими конкурентами не являлись. Зато породили столько мифов и легенд, связанных с совсем иным поприщем, что им впору примерять на себя статус настоящих криминальных родителей.

Одесса и Ростов всего за каких-то сто лет умудрились стать чуть ли не символами отечественной преступности, на голову обойдя в этом малопочтенном сегменте обе столицы и древние грады огромной империи, раскинувшейся от Варшавы до Аляски.

Причины этого весьма схожи у обоих городов, рожденных и развивавшихся в одно и то же время и при достаточно схожих обстоятельствах, позволивших Одессе и Ростову приобрести столь своеобразную самоидентификацию, узнаваемую и спустя несколько столетий.

«Близнецовость» этих городов порой даже пугает, наталкивая на крамольную мысль о том, что Одесса и Ростов с пеленок были обречены на такой «семейный союз». Оба города возникли на месте античных поселений, унаследовав пассионарность их жителей в сочетании с воинственными генами скифов и сарматов. И тот и другой судьбу свою связывали в первую очередь с водной стихией: экономическое благополучие городов определяли фемистокловские «деревянные стены». Их карбасы, фелюги, шебеки, кочермы, шаланды, лихтеры, баркасы, барки, трамбаки, мокшаны, беляны и прочая парусная подвижность уже с конца XVIII века запестрели в Азово-Черноморском бассейне, оживляя Дикое поле финансовой ирригацией.

И тот и другой испытали на себе сильное влияние генуэзского и тюркского фактора. Лигурийцы основали на северных берегах Понта Эвксинского массу своих факторий, самую дальнюю из которых выдвинув аж в устье Дона-Танаиса – Тану, на месте нынешнего Азова. Их негоцианты не только торговали, но и искали клады на окраинах нынешнего Ростова.

Старая крепость Хаджибей несколько веков оглашала окрестности азаном муэдзина. Слияние же Дона и Темерника много лет считалось границей между турецким Азовом, татарским Задоньем и низовыми казачьими станицами.

Оба города возникли как производные русско-турецких войн. Название «Одесса» появилось в 1795 году, Ростов получил статус города в 1807 году. Оба почтил присутствием окуренный пороховым дымом бесчисленных викторий граф Александр Суворов (в Ростове он даже жил с семьей некоторое время), оба были под особым отеческим присмотром у губернатора Новороссии князя Михаила Воронцова, оба снискали внимание многочисленных служителей муз.

Оба знамениты своими катакомбами. Одесса – самыми длинными в мире (до 3 тысяч километров) каменоломнями, Ростов – крепостными подземными ходами, схемы которых до сих пор непонятны и никому до конца не ведомы. Зато в них во все времена прекрасно ориентировались местные контрабандисты и бандиты.

Разница лишь в том, что у Одессы, как тыловой базы Дунайской армии, стартовый капитал был промышленный, а у Ростова, как торжища у трех границ, – торговый. Это обусловило приток в ориентированные на экспорт регионы оборотистых коммерсантов. А вместе с ними и оборотистых людей, которых, подобно дудочке Гаммельнского крысолова, манил запах денег.

В обоих городах расцвела торговля и судоходство, что сделало их настоящими южнороссийскими вавилонами. Кроме уже упомянутых генов греков, татар, турок, итальянцев и русских, в их урбанистические жилы постепенно вливалась кровь немцев, евреев (оба города входили в «черту оседлости»), поляков, персов, армян, болгар, молдаван и др. В Одессе в 1819 году лишь четверть жителей называли себя русскими. В середине столетия здесь постоянно проживали около 10 тысяч иностранцев, а в конце века из 404 тысяч одесситов 198 233 были русскими, а 124 511 – евреями.

В Ростове в начале XIX века, при наличии действующей крепости св. Димитрия Ростовского, военных и приезжих купцов было больше, чем мещан. Ко времени отмены крепостного права в России (1861 год) из 12,5 тысячи жителей города лишь несколько сотен были иностранцами. К 1885 году из 61 тысячи населения более 50 тысяч были православными, 6 тысяч – иудеями, остальные – армяно-григориане, лютеране, католики, магометане, раскольники и пр. Заметим, что здесь не учитывается соседняя армянская Нахичевань с 30-тысячным (на конец века) населением преимущественно с геномом древнего Урарту.

Из-за этого общеупотребительным языком в Одессе и Ростове стал не традиционный великий, могучий, правдивый и свободный, а некая гремучая смесь из русско-суржико-идише-армяно-тюрко-германо-итало-греко-франко-блатного вербального набора. Столь режущего великоросские уши турбулентностью фрикативных согласных. По этому говору жителей «южного марьяжа» можно было безошибочно узнать по всей территории одной шестой части суши.

Достаточно схожие у близнецов и источники финансовой состоятельности. Золотой дождь пролился над Одессой благодаря введению Высочайшим повелением в 1819 году режима порто-франко (свободного порта на ограниченной территории города), который действовал до 1859 года. Возможность беспрошльной торговли за короткое время увеличила число одесских торговцев в 10 раз, а заодно и дала толчок к появлению здесь промышленных предприятий, перерабатывающих ввозимое по заниженным ценам сырье.

В 1822 году таможенные доходы зоны порто-франко составили 40 миллионов рублей (до 1819 года максимальный доход городского бюджета давал 482 тысячи рублей), что составляло 14,5 % всей суммы доходов казны Российской империи.

За пять лет пребывающая в младенческом возрасте Одесса по товарообороту вышла на третье место в России. Только хлеба из этого порта в год вывозилось столько, сколько всеми портами США, вместе взятыми.

Денежный дождь прекрасно орошал амбиции допущенных в «зону» удачливых коммерсантов, которые могли себе позволить роскошные дома, наряды, экипажи, украшения, театры, вина, драгоценности, – безбрежное поле деятельности для будущих воров и грабителей.

В ценах 1827 года биндюжники (ломовики-извозчики) ежедневно зарабатывали 3–5 рублей серебром (биндюжником, к слову, был Мендель Крик, отец знаменитого Бени Крика, по прозвищу Король). На только что открытом «Привозе» фунт простого хлеба стоил 1 копейку, фунт мяса – 1,5 копейки, гусь – 15 копеек, индейка – 20 копеек, корова – 8 рублей, овца – 4 рубля.

При этом у местного бизнеса сразу начала просматриваться этническая составляющая: судоходство контролировали греки, оптовую торговлю – итальянцы и немцы, банки и маклерские конторы – евреи, виноторговлю – французы, колониальные товары и табак – караимы.

Естественно, быстрые и легкие деньги наводнили город предприимчивыми господами и дамами. Для одних работа нашлась внутри таможенной зоны порто-франко – они ежедневно ходили туда через границу. Для других – не меньше работы было за ее пределами: по обслуживанию «офшорника» и удовлетворению самых разнообразных потребностей тех, кто там трудился.

Первые смогли обеспечить себя хорошим доходом и предпочитали селиться внутри «зоны», в благоустроенных деловых кварталах (что потом аукнулось им во время обстрела Одессы союзным флотом в апреле 1854 года). Вторые выбирали для поселения примыкающие к «зоне» слободки Молдаванка, Бугаевка, Пересыпь, Слободка-Романовка, Дальние и Ближние Мельницы и др. Контингент здесь был победнее, но не менее предприимчивый. Из здешних поселенцев пополнялись ряды контрабандистов, которые начинали свою деятельность полулегально – под покровительством самих таможенников, не справлявшихся с громадными грузопотоками и отправлявших товары за известную мзду мимо конторы. Это было только на руку не вошедшим в порто-франко негодьям, не нашедшим жилья внутри «зоны» и не желающим платить пошлины, которые лишь стимулировали расцвет приморской контрабанды. Ею в слободках занимались все от мала до велика – в лермонтовской «Тамани» показано участие в контрабанде мужчин, женщин, детей и даже убогих. Они обустроили себе целые склады в одесских катакомбах, караванами вывозя оттуда в центральные губернии заморские товары.

Романтическими контрабандистами тогда восхищались многие, в том числе и служители муз.

Кстати, и Александр Пушкин практически в одно и то же время посетил оба знаменитых в будущем бандитских города. В Ростове он побывал в июне 1820 года, в Одессе начал службу в канцелярии «полумилорда-полукупца» графа Михаила Воронцова в июле 1823 года. И имел возможность вдохнуть южнороссийского колорита обеими ноздрями.

В тогдашней Одессе этого колорита было в изобилии. Княгиня Вера Вяземская вспоминала, как 25-летний секретарь канцелярии Пушкин трое суток (между 15 и 25 июля 1824 года) провел на судах, стоящих в одесском порту, где кутил со шкиперами и контрабандистами.

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливый торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Заметим, корсар в отставке – не фигура речи. 30-летний капитан брига «Элиз» Гаэтано Морали, мавр из Туниса, щеголявший по Одессе с непременными двумя пистолетами за поясом, действительно имел пиратское прошлое. Чем вызывал неподдельный интерес у местной молодежи и самого поэта, как и всякая байроновская личность, имевшая отношение к криминальным типажам.

Обострение борьбы за квадратные метры жилья и негодии внутри «зоны», выливавшееся во всякого рода коррупционные скандалы и налоговые недоимки, попробовал было урезонить император Николай I, планируя упразднить устаревший режим порто-франко, но его отвлекла Крымская война. Императору удалось лишь увеличить обязательную часть платежей с 20 до 40 % от стандартного таможенного тарифа. И только при Александре II сладкая таможенная конфета для Одессы была ликвидирована, но к тому времени государство уже ежемесячно

теряло от контрабанды до 400 тысяч целковых, вынужденное противостоять целой армии контрабандистов.

После отмены «офшорника» такое огромное количество профессиональных «вольных добытчиков» было уже не нужно. Часть их ушла в легальный портовый бизнес, а часть предпочла трансформировать свои устойчивые многолетние навыки и связи в создание криминального сообщества. Свободного от государственной опеки и живущего на иждивении легального бизнеса за счет его открытого грабежа и махинаций. Этому способствовал и пестрый национальный состав, позволявший вербовать в шайки представителей этнических землячеств. В первую очередь, еврейского, учитывая плотность семитского населения приморского города. Именно эти относительно организованные преступные сообщества описаны в «Одесских рассказах» Исаака Бабеля, произведениях Ильи Ильфа и Евгения Петрова (Остап Бендер – высококлассный мошенник), Власа Дорошевича, Владимира Жаботинского, Валентина Катаева, Юрия Олеши, Эдуарда Багрицкого, Юрия Трусова, Льва Славина и др.

Контрабандистами в Одессе в основном были греки, как соплеменники главных судовладельцев на Черном и Азовском морях. Грабители частенько наведывались из соседней Бессарабии. Так, знаменитый налетчик и будущий красный комбриг Григорий Котовский возглавлял сплоченную шайку, а в Одесском оперном театре даже продавал свои кандалы после амнистии в 1917 году. Взломщики высокого класса наезжали из Царства Польского.

Высоким классом отличались воры и в Одессе. Богатый город требовал к себе более «деликатного» отношения – в смысле изъятия ценностей у имущих классов. Здесь обычным гоп-стопом не возьмешь, это не городская окраина. Тут требовались воспитание и образование, умение вращаться в кругах элиты, дабы получить доступ к большим деньгам и ценностям. Поэтому одесские воры, например знаменитая Сонька Золотая Ручка, тратили серьезные средства на «экипировку», портных-сапожников, одежду, изучение иностранных языков и хороших манер. Простая девочка Соня из еврейской семьи Блювштейн не смогла бы запросто выдавать себя за «княгиню Софью Андреевну Сан-Донато». Раскусили бы мгновенно.

В Одессе возникла одна из первых в России «школ» воровского искусства, сформированная из интернациональных кадров, в которой бывалые ширмачи (карманники) обучали начинающую блатной путь молодежь. Здесь же «трудились» одни из лучших в империи карточных шулеров, слава о которых гремела потом и в советское время, да и гремит поныне.

Впрочем, и собственных кадров было в избытке. В мае 1919 года самый знаменитый одесский налетчик Мишка Япончик (Мойше-Яков Винницкий, прообраз бабелевского Короля – Бени Крика) без труда сформировал из местных уркаганов «54-й имени Ленина советский революционный полк» в составе 45-й стрелковой дивизии Ионы Якира в количестве 2202 штыков (часть составляли анархисты и студенты одесского Новороссийского университета). Он даже успел чуток повоевать, пока честные босяки не поняли, что классовая борьба явно не их конек.

Писатель Константин Паустовский вспоминал: «В предместьях – на Молдаванке, Бугаевке, в Слободке-Романовке, на Дальних и Ближних Мельницах – жило, по скромным подсчетам, около двух тысяч бандитов, налетчиков, воров, наводчиков, фальшивомонетчиков, скупщиков краденого и прочего темного люда». К их числу следует добавить оставшихся «в деле» контрабандистов, мошенников, содержателей притонов и игорных домов, проституток, мелких жуликов и т. п., разбросанных по всему полумиллионному (на момент революции 1917 года) городу.

Одесса давала им возможность получать средства к существованию теми способами, которые представлялись наименее затратными и наиболее приспособленными к привычному образу жизни. Город стал для них родным домом и не фигуральной, а настоящей *alma mater*. Благодаря одесской «криминальной дивизии» еще в конце XIX века по-родительски приютивший ее город стали ласково величать «мамой». Отсюда и закрепилось в народе «Одесса-мама».

Писатель и сценарист Эфраим Севела (Ефим Драбкин) подчеркивал: «В мое время Одесса была мамой и все мы, ее дети, называли этот город Одессой-мамой. Вы спросите, почему? И я вам отвечу. Одесса славилась такими ворами, такими бандитами, каких свет не видывал и больше, я думаю, не увидит. Народ измелечал. Одесса была столицей воровского мира всей Российской империи – по этой причине ее ласково называли мамой».

«Прибыла в Одессу банда из Ростова»

Генезис столь же южного Ростова был во многом схож с одесским, хотя имелись и принципиальные различия в формировании «семейной пары».

Как и Одесса, ставшая опорной базой для дунайского направления восточной политики империи, Ростов стал тыловой базой для ее кубанского направления. Однако если Одесса-Хаджибей начиналась в первую очередь как морской порт и промышленный центр (для нужд Дунайской армии и флота), то Ростов – как пограничная крепость и таможня, контролирующая порубежную торговлю на местных ярмарках.

Следовательно, в отличие от Одессы с изначальным преобладанием промышленного капитала и концентрацией работных людей на предприятиях и в порту, в Ростове доминировал капитал торговый, которому не требовалось большое количество рабочей силы, зато необходимы были изворотливые купеческие мозги.

Для успешного занятия торговлей нужны дипломатическое лицемерие, архитектурская сметка, шахматистская находчивость, дьявольская хитрость, византийское коварство и ловкость истинных карманников. Отсюда и залихватская пронырливость, изобретательность и негибкость ростовцев и ростовчан во все времена.

В составленном для князя Григория Потемкина «Описании Азовской губернии от 1782 года» об окрестностях крепости Дмитрия Ростовского говорилось: «Церквей деревянных – 3. Домов – 400. Населения цивильного: Купцов – 131, мещан – 154, цеховых – 70, разного звания людей – 419». Таким образом, один купец приходился на 60 душ населения.

Если в 1841 году в Одессе имелось 60 заводов и фабрик, насчитывающих в штате не меньше тысячи рабочих, то в провинциальном на тот момент Ростове функционировало не более десятка мелких мастерских, на которых трудилось полсотни ремесленников. В то же время здесь обосновалось более 1,5 тысячи представителей купеческого сословия на 12,6 тысячи населения (в Одессе к этому времени было свыше 80 тысяч жителей).

Появление промышленности в Ростове на полвека отстало от одесской. Но к этому времени в городе уже сформировался мощный торговый капитал, базирующийся как на донской продукции (лошади, уголь, зерно, кожа, рыба, сало и пр.), так и на транзитной торговле экспортными товарами дальних губерний (лес, металл, пенька, мед и др.). Ведущую роль в формировании городской жизни играли не фабриканты, а купцы. Что наложило мощный отпечаток на ментальность торгашей-ростовцев: по сей день визитная карточка донской столицы – установленная в центре города бронзовая статуя разудалого корабейника.

В отличие от Одессы не было у Ростова и своего «еврейского лобби». И хотя еще в 1850 году помощник новороссийского губернатора Аполлон Скальковский уверял, что Екатеринославская губерния (в нее входил Ростовский округ) – «это обетованная земля евреев», на самом деле ситуация на берегах Дона сильно отличалась от положения на берегах Одесского залива. В Ростове еврейская диаспора составляла незначительный процент населения, достигнув максимума в 1905 году – 10,3 % (13,7 тысячи) – при общей численности горожан почти 120 тысяч.

Поначалу заметной роли в экономической жизни города она не играла – слишком далеко на восток от традиционных мест проживания ее забросила судьба. Основным занятием евреев Ростова было шинкарство (зачастую с собственной винокурней и постоянным двором), ремес-

ленничество и торговля. Порой в одном лице совмещались виноторговец, лавочник и скупщик (последние и создали базу для будущих ростовских блатер-каинов – скупщиков краденого).

Лишь к концу века, после реформ Александра II, позиции еврейской диаспоры в Ростове окрепли, и в ней появилась своя коммерческая элита (в Одессе она играла ведущую роль почти за столетие до этого). Еврейские торговцы были заняты в зерноторговле, мукомольном и строительном бизнесе, биржевом и банковском деле. Многие подались в кантонисты – в крепости св. Димитрия дислоцировался полубатальон кантонистов, для чего в Ростове даже была выстроена Солдатская синагога (единственная сохранившаяся по сей день). Купечество 1-й гильдии и ремесленники освобождались от двойной подати, на них же (как и на лиц с высшим образованием, медицинский персонал, солдат-кантонистов и отставников) не распространялись запреты черты оседлости.

Городской голова Ростова Аполлон Кривошеин в 70-х годах XIX века писал: «Евреи составляют весьма незначительную часть населения. Это преимущественно ремесленники и торговцы, оптовые складчики и заводчики, врачи, аптекари, маклеры, посредники, кабатчики. Еврейская торговля хлебом незначительна (главная – у греков и армян). Евреи не влияют вредно на экономическое положение, а часто приносят пользу, имея непосредственные отношения с иностранными торговыми домами и довольствуясь скромными барышами. Поэтому они являются явными конкурентами крупных фирм».

Будущий первый президент Израиля Хаим Вейцман, посетив весной 1903 года Ростов (его жена Вера была дочерью ростовского купца Исая Хацмана), заметил: «Чем дальше от черты оседлости, тем лучше отношения между евреями и неевреями. В Ростове, например, еврейские и русские врачи и адвокаты общались между собой очень тесно и живо».

«Чем дальше» – это дальше от Одессы, где обостренная конкуренция издавна накаляла страсти. В Одессе при столь значительном скоплении семитского населения многие евреи владели жалкое существование и даже занимались совершенно несвойственным им трудом: работали мусорщиками, биндюжниками, драгилями-извозчиками, грузчиками в порту.

В более спокойном Ростове подобные случаи были крайне редки. К примеру, отец «короля провокаторов», главы Боевой организации эсеров Евно Азефа благообразный Фишель, кроме семерых детей, имел даже собственную портняжную деревянную будку-флигель на престижной Пушкинской. Старожилы рассказывали, что еще в 50-х годах XX века на улице стояла перекошенная халабуда с поперечной вывеской «Портной АЗЕФЪ». При этом все дети получили образование, а сам Евно, будущий сотрясатель покоя августейшей семьи и Корпуса жандармов империи, после гимназии даже учился в политехникуме в германском Карлсруэ.

Собственно, и еврейские кварталы располагались компактно, в престижном купеческом центре Ростова, что само по себе свидетельствует о вполне устойчивом статусе диаспоры в целом.

Кроме того, в Ростове были достаточно сильны позиции германских (производство продуктов потребления), греческих (судоходство, торговля, табачный бизнес) и армянских (мануфактура, галантерея, сельхозпродукция, недвижимость) коммерсантов.

С изменением экономических условий в Ростове второй половины XIX века, с промышленным подъемом и резкой активизацией коммерческой деятельности портовый Ростов меняет ритм жизни, начиная догонять портовую Одессу.

В Области войска Донского начали работать крупные угольные рудники, что подстегнуло прокладывание сюда железной дороги. И как следствие – запуск ряда мощных металлургических предприятий для изготовления железнодорожных рельсов, котлов, паровозов, сельхозмашин и других товаров, которые вывозились через Ростовский порт.

А это, в свою очередь, поставило вопрос о необходимости привлечения в портовый город финансового капитала, большого числа технического персонала и в еще большей степени – рабочего. И без того хорошо развитое коммерческое начало Ростова просто зафонтирировало.

Посетивший город харьковский репортер писал: «Когда свежий человек попадает в Ростов-на-Дону, энергичная физиономия вечно занятого, всегда куда-то спешащего ростовского жителя сейчас бросается ему в глаза. Тихой с «размерцом», плавной и покачивающейся походки, как у нас, – вы тут не заметите. Даже дамы и те двигаются по ростовским панелям быстро и порывисто, точно им тоже некогда».

В то же время этот неудержимый коммерческий ритм, в отличие от тех же Одессы с Таганрогом, не сумел породить творческий и культурный бум. Ростовчане были слишком заняты наворачиванием финансовой состоятельности по сравнению с конкурентами, поэтому вопросы просвещения и тяги к прекрасному остались в стороне.

Историк XIX века Григорий Чалхушьян свидетельствовал, что «портовый город Ростов имеет особенную черту, прирожденную всякому портовому городу с преобладающим торговым населением, черту, резко бьющую в глаза и делающую ростовца именно не похожим на русского... Вне торговли его трудно себе представить, оттого здесь и нет интеллигенции, нет общества и все граждане разделяются на два класса: богатых и бедных, таким образом, интеллигенцию заменяет денежная аристократия».

Впрочем, посетивший в 1840 году город французский консул, путешественник и ученый Ксавье Оммер де Гель считал иначе: «...общество в Ростове несравненно приятнее, чем в большинстве губернских городов... Здесь полное смешение народностей, вкусов, понятий, и каждый устраивается великолепно».

Каждый устраивался как мог, оттого вкусы и взгляды у «интуристов» оказывались разными.

«Богатый город, кипучий, деятельный, но без общества, – уверял тогдашний ростовский репортер. – Верите, тут погрязнем окончательно в уйме гешефтов и торговых операций. Везде это купить-продать, продать-купить, но человека, способного отвлечься хотя на миг от этого стоном стоящего в воздухе лозунга, вы почти не найдете... О Ростове, не преувеличивая, можно сказать, что он весь торгует. Как порт он привлек к себе и теперь привлекает исключительно коммерческий люд...»

Еще в 1866 году экономист и историк, «Геродот Новороссийского края» Аполлон Скальковский написал: «Ростов, подобно Одессе, как рынок международной деятельности, вырос и возмужал посредством своей богатой внутренней и внешней торговли. Но как город, как живая муниципия (община) он, в противность Одессе, имел почти вековое, весьма трудное младенчество. И если он преодолел все препятствия, природою и людьми ему поставляемые, если, несмотря на полное почти забвение о нем в течение полстолетия (1776–1826 годы) даже его естественным руководством, главными начальниками Новороссии, то он обязан этим своим собственным силам, заимствованным из своего собственного общества. Это общество с первых дней существования города поняло и чрезвычайно выгодное свое географическое положение, и те несметные сокровища, которыми обладает Русская земля от устьев Дона до вершин Волги – царицы Русских рек».

Писательница Мариэтта Шагинян (жительница Нахичевани-на-Дону, вечного конкурента Ростова, считавшего себя интеллигентным в пику торгашам, в своем романе «Перемена» (1923 год) называла соседний Ростов «городом, построенным спекулянтами для спекуляций».

Интересную особенность подметил один столичный визитер позапрошлого века: «Ростов очень оживленный и веселый город с заметно развитою уличною жизнью. Последняя меня положительно поразила, привыкшего к отсутствию ее в других русских городах. Выйдете вечером на ростовские улицы, и вы услышите шум, смех, разговоры, музыку, крики, и вас так и

охватит эта волна развитой общественной жизни, вы поймете, что этот город, после дневной кипучей деятельности, теперь отдыхает и живет в то же время полной жизнью, а не дремлет и не храпит во все завитки широкого великороссийского носа... И может быть, этой привычкой к уличной жизни и можно объяснить, отчасти конечно, ту быстроту, с которой здесь вспыхивают и распространяются всякие уличные беспорядки, доходящие по временам до крупных погромов».

Последнее особенно показательно, ибо иллюстрирует спонтанное буйство ростовских нравов XIX века, стремительное социальное расслоение которого всего за несколько десятков лет создало целые пласты различной субкультуры. От деловых негоциантов и продвинутых заводчиков, городских бездельников-саврасов и светских волокит до затемерницкого полунищего мозолистого гегемона, босяков, отхожих промысловиков и лихих обитателей сомнительных трактиров и окраинных слободок.

«Ростов не имеет ни интеллигенции, ни общества, а имеет богатых и бедных, к этим бедным, которых здесь как и везде больше, чем богатых, примыкает пришлый люд весьма сравнительной нравственности, с годами люд этот прибывает все большими и большими массами. Эта громадная армия, ежегодно во время навигации посещающая Ростов, состоит из людей бездомных, бродяг; их тянут сюда привольная жизнь и хорошие заработки», – писал Чалхушьян.

Это очень важное замечание. Именно волонтеры этой армии беглых крепостных и нищих мещан и стали первыми бойцами бандитского Ростова-папы, добивавшимися восстановления социальной справедливости кистенем и заточкой.

Как и в крикливой Одессе, в говорливом Ростове первые криминальные всходы давали неконтролируемые слабой полицией стихийно возникающие окраины. Здесь селились как обычные босяки, так и беглые урки, мазурики.

Как и в приморской Одессе, на начальном этапе своего развития в портовом Ростове основную массу босяцкой публики составляли деклассированные элементы самой низкой «шпанской» квалификации – мелкие базарные жулики-халамидники, карманники-марвихеры, уличные грабители-скокари (бравшие случайную жертву на испуг – «на скок»), нищие «мамахи с поленом», обкрадывавшие прохожих под видом убогих с детьми.

Как и в буйной Одессе, в отвязном Ростове не было недостатка в отчаянных головорезах, выживания ради не изводящих себя моральными терзаниями о ценности чужой человеческой жизни и тем более чужой собственности.

Как и в воровской Одессе, в воровском Ростове также существовала своя «академия воров», где старые опытные домушники и ширмачи обучали профессиональному мастерству юных неофитов-звонков. Готовили щипачей (карманников), затырщиков (помощников карманников) и форточников-чердачников.

В обеих криминальных столицах сливки уголовного сообщества были склонны к демонстративности. К изящной лихости своего ремесла. К показному презрению полиции и властей.

У Исаака Бабеля пленительный Бенья Крик не просто «знает за облаву», а в день своей свадьбы и появления в Одессе нового деятельного полицмейстера подпаливает полицейский участок. Чтобы понимал служивый, что дело имеет с «королем».

В Ростове воры ночью сняли и унесли тяжеленные железные шторы с окон магазина-склада земледельческих орудий французской фирмы «Гулье и Бланшард», расположенного на центральной Большой Садовой улице. Его владелец Карл-Ипполит Гулье искренне удивлялся, что в непосредственной близости от магазина располагалась неусыпно охраняемая контора Государственного банка, а фактически у дверей склада была установлена полицейская будка, где с вечера и до утра несли вахту ночные стражники. Мошной своей заинтересованные в том, чтобы на их участке все было чинно-благородно.

Сразу же после упразднения крепости св. Димитрия и ухода ее гарнизона в Анапу воры среди бела дня сняли и унесли огромные крепостные ворота весом в 800 пудов (больше 13 тонн).

В другой раз, в начале XX века, городушники (магазинные воры) взломали салон готового белья Ивана Келле-Шагинова, который раньше в упор не замечали, хотя он существовал с 1858 года. Все дело было в том, что коммерсант накануне установил в магазине одну из первых в Ростове электрических сигнализаций. Воры оставили облапошенному хозяину издевательскую записку с пожеланием не действовать на нервы честным босякам всякими техническими прибамбасами. Себе же дороже будет.

Просто «короткие жакеты», или рыцари индустрии, как их называла ростовская интеллигенция, таким оригинальным образом продемонстрировали полиции, что им плевать на бдительность стражей правопорядка и технический прогресс.

Однако, в отличие от рано разбогатевшей Одессы, в поздно разжиревшем Ростове в XIX веке еще не было серьезных «жульманов» из числа взломщиков сейфов (медвежатников – от жаргонизма «медведь» – сейф). Просто потому, что банковское дело начало развиваться только к концу века. Лишь на рубеже веков Ростов стал частью так называемой южной школы шниферов и медвежатников, в которую входили также их одесские и кишиневские коллеги.

В отличие от Одессы, здесь исторически имелись в избытке разбойные громилы, но поначалу наблюдался заметный дефицит финансовых авантюристов и мошенников. Просто из-за отсутствия биржи и банковских операций.

В отличие от деловой Одессы, в раннем купеческом Ростове не было фальшивомонетчиков (они обитали в соседней армянской Нахичевани) – чистота монеты и подлинность ассигнаций являлись залогом здоровой негодии, поэтому подобных лихачей быстро вычисляли и строго карали. Да и само ремесло требовало квалифицированных кадров, которые еще не появились в городе.

Военный инженер Павел Гольман в 1855 году писал: «Ростов есть золотое дно для предприимчивых людей, в том числе, конечно, и мошенников всех возможных цехов. Городничий в три-четыре года наживает до того, что со смирением удаляется после этого срока добровольно в благоприобретенное имение, оставляя место другим. Ежегодно здесь ловят фальшивых монетчиков, составителей фальшивых паспортов. Убийство же здесь называют «шалостью». В Ростове считается до 10 тысяч человек «беспаспортных»».

Тем не менее в быстро все схватывающем на лету Ростове вольные и настойчивые жиганы умели учиться и за короткий период уже вовсю тягались, а то и конкурировали с «мамой» в воровском профессионализме. Криминалитет города на Дону шел в ногу с развитием прогресса и сам умнел, набирался знаний и необходимых навыков. Благо, средства для этого стремительно развивающийся Ростов щедро поставлял.

Знаменитый ростовский репортер конца XIX – начала XX века Алексей Свирский как-то признался ростовчанке Нине Андроповой: «Этот город крупных жуликов и мелких мещан сводит меня с ума! Бессильной ненавистью полно мое сознание к крупным и мелким хищникам, завладевшим полуказацким, полуармянским городом. Мне здесь все знакомо до приторности, до пресыщения. Меня раздражает главная Садовая улица, где широкие каменные тротуары в теплые звездные вечера превращаются в человеческую паутину».

К началу XX века с развитием технической мысли квалификация ростовских воров уже соответствовала высочайшему международному уровню. Имена таких персонажей, как мошенник Иван Хромота, медвежатник Тимофей Кальнин, вор-кдюквенник (грабитель церквей) Варфоломей Стоян, домушник Николай Кувардин, налетчик Артем Водолазкин, гремели по всей империи.

Совсем другой была и структура ростовских воровских шаек, основное отличие которых от одесских состояло в полном пренебрежении этническими и религиозными заморочками.

Никаких еврейских, славянских, греческих, персидских, армянских или иных шаек в Ростове, в отличие от Одессы, в помине не было. Тем более никто не держался за их долговечность. Здесь все решала профессиональная подготовка «честного жигана». Без всяких предрассудков.

Первые, еще дореволюционные, ростовские шайки отличала крайняя нестабильность состава. Собирались для конкретной акции, совершали ее, дуванили добычу и разбегались. Иногда для серьезного дела объединялись сразу несколько шаек, но никаких обязательств по его завершению по отношению друг к другу они не несли.

Профессионалы высокого полета покидали Ростов, легко расставаясь с прежними подельниками и гастролируя по империи. Но, как правило, возвращались обратно, оседая к старости на привычном месте, где их знали, уважали и всегда ждали. Место обитания было священо, к нему относились бережно и трепетно. Знаменитые бандитские районы старого Ростова Богатыновка, Берберовка, Нахаловка, Олимпиадовка, Горячий Край, Бессовестная слободка, Собачий хутор и прочие были большими криминальными бивуаками, но не местом преступного промысла: на дело ходили в другие районы, оберегая от облав родные хазы и малины. Тот же медвежатник Тимофей Кальнин в Ростове только отдыхал, выезжая на «гастроли» в крупные города империи и за границу. А марвихер-карманник международного масштаба Иван Бедов («Беда») принципиально не «щипал» в родном городе.

В ростовской газете тех лет репортеры с чисто мазохистским наслаждением писали:

«Спать ложишься, и то думаешь, нет ли под кроватью какого-нибудь мазурика. Сядешь за пульку преферанса – под стол заглядываешь, как бы кто ноги тебе не оторвал...»

Впрочем, объяснение ростово-одесскому уголовному разгулу «кровавых царских времен» таилось внутри самой судебной системы Российской империи. Реформа 1864 года и введение судов присяжных стали просто манной небесной для отечественной босоты. Среди присяжных преобладали простые обыватели, бывшие крепостные, зачастую на своей шкуре прочувствовавшие все тяготы беспощадной государственной машины. Оттого они заранее сочувствовали ее «жертвам», то есть самим подсудимым, даже из среды уголовников, судьба которых порой была им самим близка. Этим и пользовались адвокаты подсудимых. Поэтому число оправдательных приговоров превышало все мыслимые нормы, к чему совершенно не готовы оказались следственные органы, не привыкшие добывать неопровержимые улики.

Порой подсудимых, обвиненных в воровстве, бродяжничестве, попрошайничестве, разбое, просто высылали за пределы губернии, что ничуть не мешало тем сразу же возвращаться назад (и так по много раз).

Даже в случае осуждения реальных варнаков в судопроизводстве преобладала практика малых сроков, так что не приходилось надолго отрывать босяка от привычного ему окружения.

Побеги же с каторги, и уж тем более из сибирской ссылки, были явлением повсеместным.

С другой стороны, само общество, расслабленное либеральными реформами Александра II, расцветом нигилизма, народничества и т. п., уже иначе смотрело на полицейские усилия властей.

Как писал знаменитый глава Петербургской сыскной полиции Иван Путилин, «мошенники рассчитывают именно на то, что никто из прохожих или посторонних не подаст помощи, не вмешается в дело, опасаясь разных неприятных последствий: продолжительных допросов, многократного вызова в свидетели... Безнаказанность многих преступлений часто является следствием той боязни, которую обнаруживает обыватель к участию во всех инцидентах, могущих окончиться полицией и судом».

Эти тонко подмеченные выводы газетчиков и профессионалов начала XX века создали вокруг ростовской уголовной босоты такую же кандально-романтическую ауру, которая к этому времени прочно закрепилась за одесскими жульманами.

Понятие «ростовский вор» (не убийца, не мошенник, не шулер, а именно вор) стало отождествляться с высшей лигой отечественного криминалитета, а в быту экстраполировалось

на любого ростовца, в пику Одессе-маме величавшего свой город «папой» (что можно наблюдать и по сей день).

На допросе у околоточного настоящий куклим четырехугольной губернии (бродяга, не помнящий родства) на стандартные вопросы вроде: «Кто таков, как зовут, чьих будешь?» – отвечал: «Зовут зовуткою, а величают уткою. Одесса – моя мама, Ростов – папа, гуляй, рванина».

Учитывая давние профессиональные связи преступников обоих портовых городов, семейный мезальянс им был обеспечен. Так они рука об руку и вошли в блатной «загс».

Да и после Октябрьской революции в мире «коротких жакетов» мало что изменилось.

Известный франко-польский коммунист середины прошлого века Жак Росси, отсидевший в самых известных тюрьмах и лагерях СССР почти 15 лет за шпионаж, утверждал в своем «Справочнике по ГУЛАГу» (1991): «В XIX веке и до начала 40-х годов XX века Одесса была главным центром российской уголовщины. Среди одесских блатных было много евреев и ряд блатных слов происходит из идиша... А после Одессы Ростов-на-Дону стал одним из важнейших центров советской уголовщины».

Это нашло отражение и в «шпанском» фольклоре, создав массу прозаических, поэтических и музыкальных произведений, упоминающих обоих «супругов»:

Прибыла в Одессу банда из Ростова,
В банде были урки, шулера.
Банда занималась темными делами,
А за ней следили мусора.

Обе криминальные столицы империи по плотности «мазурского» населения на тысячу жителей оставили далеко позади более крупные города: Санкт-Петербург, Москву, Варшаву, Ригу, Киев, Тифлис, Лодзь, Харьков. Конечно же, и в этих, и в иных городах России своего разномастного жулья всегда хватало. Были и свои звезды, и легендарные профи, и буйные душегубы-отморозки, и известные на всю страну целые бандитские районы, но вот Одесса и Ростов всегда брали и числом, и умением.

Впрочем, прогрессивные умы того времени находили в этом и рациональное объяснение.

«Город Ростов, – писал журнал «Современник» в 1863 году, – очень цивилизованный город... что в городе Ростове мостовые очень дурные, что в городе Ростове спуски к реке такого рода, что едущий легко может сломить себе шею, что почтенные жители Ростова ходят по городу в потемках, стучаясь лбами, что, по словам описателя Екатеринославской губернии, г. В. Павловича, в городе Ростове прекращаются все сообщения, и базары пустеют, когда пойдут дожди и грязь покроет все пространство улиц и площадей, – то это не составляет еще никакого возражения против цивилизованности Ростова. Во всей России цивилизация шла таким путем, что люди цивилизующиеся начинали пить сначала шампанское, волочиться за актрисами, жуировать, заниматься чувствительной и самовосхитительной литературой, и потом уже, по истечении многих десятков лет, и то не всегда, переходили к заботам об общественных удобствах и вообще к делам серьезным. Не может же и Ростов, как сын общей нашей матери земли русской, идти каким-нибудь другим путем цивилизации, а не тем, которым шла и идет она всегда».

Младенчество папы

В ореоле своих мифов и легенд Ростов – вообще город-парадокс, возникший вопреки исторической и экономической логике и вопреки всему превратившийся в легендарный мегаполис. Хотя шансов на это у него практически не было.

Даже учреждение здесь крепости святого Димитрия Ростовского – «прихожей» Ростова-на-Дону – было мерой вынужденной. Первоначально крепость двойного назначения (защищать южные рубежи от набегов степняков и, что еще более важно, присматривать за непредсказуемым казачеством) имени святой Анны была построена гораздо выше по течению Дона, всего в двух верстах от смутного Черкаска. Шуваловской гаубице-единорогу было раз плюнуть накрыть казаков картечью. По-хорошему, там бы городу и возникнуть, да в половодье крепость заливало по самые бойницы. Пришлось ее переносить ниже по течению, к петровскому источнику Богатый Колодезь, вместе с потенциальным поселением для обслуживания нужд уже новой крепости.

Да и вечный двигатель экономики – торговлю – тоже не стоит определять в «родители» Ростову-папе.

Историческими центрами притяжения торговли в этом регионе были античный Танаис, ордынский Азак (Азов), генуэзская Тана, казачий Черкасск, петровский Таганрог – все мимо родимого Левбердона.

Граница с Турцией изменялась после каждой войны, но лишь в первой половине XVIII века она была утверждена у слияния Дона и Темерника, где ежегодно устраивались торжища между турками, татарами, русскими, казаками, персами, ногайцами, черкесами и пр. А дабы не шло цареве мыто мимо казны, здесь же в 1749 году возникла Темерницкая таможня.

Но для градостроительного XVIII века она отнюдь не гарантировала оседлого поселения – таких таможен в пограничной степи было множество. Тем более что уже в 1776 году таможню перевели в Таганрог, где, собственно, и кипела торговля, оставив на 60 лет будущий «город-папу» прозябать в провинциальной глуши.

Именно у родины писателя Антона Чехова первоначально было куда больше шансов стать «папой», чем у Ростова. Приморский город Таганрог – клон Одессы на Азовском побережье, несостоявшаяся столица России, разбитая мечта Петра Великого. Та же греко-итало-турко-суржики-русская вербальная смесь для славянского уха. Та же нуворишская слабость к искусствам и показной роскоши. Тот же локомотив развития в виде мощной судоходной торговли во главе с греческими негоциантами, в начале XIX века составлявшими реальную конкуренцию Одессе. До такой степени, что разноязыкое хаджибейское купечество в один голос умоляло губернатора Новороссии Людовика-Александра-Андре Ланжерона (само собой, одессита) сделать Азовское море внутренним, лишив его порты связи с внешним рынком. Генерал-губернатор Одессы герцог Эммануил Ришелье подал правительству докладную записку с ходатайством закрыть Азовское море для иностранцев, а крайний порт внешней торговли перенести в Феодосию.

Однако южнороссийское купечество показало, что и оно может кой-чего «отслюнявить» Северной Пальмире. Через порты Приазовья шли в Европу товары с Урала, Поволжья и из Великороссии – до украинских портов по вечному бездорожью везти их было слишком накладно.

В обеих просьбах русско-французским одесситам было отказано. Таганрог выстоял, продолжая угрожать хаджибейской монополии.

Надо заметить, что и местные космополитические пройдохи от торговли излишним патриотизмом не страдали, всячески оттирая от заморских товаров соседей-портовиков из новорожденного Ростова.

31 октября 1807 года Ростов, Нахичевань и Мариуполь были присоединены к ведомству Таганрогского градоначальства по части полиции, торговли и навигации, что перевело их в статус уездных городков, лишив даже намека на самостоятельность. К тому же в 1835 году гарнизон и имущество ставшей ненужной крепости св. Димитрия были переведены в Анапу, из-за чего отпала необходимость и в самом поселении у слияния Дона и Темерника.

После перевода всех присутственных мест, включая таможенную, в Таганрог город на Дону был обречен на статус зарастающей паутиной уездной слободки, фактории для таганрогских купцов. В нем размещался лишь склад заморских товаров, свозимых сюда приморскими negociантами. По выражению главы Статистического комитета Одессы, историка Аполлона Скальковского, Ростов являлся «отделением таганрогской биржи». До 1836 года так, собственно, и было. Ростов самостоятельных внешнеторговых операций не проводил, являясь, по существу, лишь перевалочной базой, через которую на каботажных судах по Дону шли к морю хлеб, сало, шерсть, льняное семя, уральские металлы, а уже через таганрогскую таможенную переправлялись за границу. В начале века около тысячи кораблей ежегодно бросали якоря на таганрогском рейде.

Помимо субъективных были и объективные причины пренебрежения Ростовом: слишком уж мелким было русло Дона, и суда крупного водоизмещения просто не протискивались сквозь его узкие гирла. С мая по октябрь иностранные корабли приходили к устью Дона и становились на рейд, а тем временем купцы на баркасах и мелких судах сплавляли сюда свои товары. Заниматься расчисткой гирл было некому – слишком дорого для частного бизнеса и слишком много головной боли для государева Главного управления путей сообщения, так как тогда возникала необходимость содержать маяки, буксиры, лоцмейстеров, метеорологов, гидрографов, водную полицию и пр. Из-за этого, не зная состояния воды в канале, купеческие парусные суда нагружались под завязку и садились на мели целыми караванами.

Зато у Ростова был козырь, который только снился Таганрогу и Одессе: крепкий армянский капитал соседней Нахичевани-на-Дону, торговцы которой были переселены еще Екатериной II из Крыма в конце XVIII века и имели налаженные торговые связи по всей Евразии, от Португалии до Индокитая («когда родился армянин, еврей заплакал»). Этому капиталу было крайне тесно в степных границах, он просился в море. В Нахичевани, в отличие от Ростова, действовал собственный магистрат и различного рода еще екатерининские поблажки в виде переселенческих льгот, свободной торговли, земельных наделов и освобождения от службы в армии. Влияние армянского купечества, ради причисления к 1-й гильдии без предрассудков поменявшего традиционное окончание фамилий с «ян» на «ов» и «ев», в коммерческих и политических кругах было весьма значительным.

Ростово-нахичеванское купечество, мечтавшее о собственном «окне в Европу», наводило жалобами канцелярию новороссийского губернатора, требуя восстановления таможни и права торговать с иноземцами. Подключили и «тяжелую артиллерию» – атаман Матвей Платов «в видах поддержания торговли и промыслов» бил челом императору, прося оказать помощь обнищавшему казачеству.

В конце концов новый губернатор граф Михаил Воронцов послал на Дон своего полпреда – ученого-финансиста Юлия Гагенмейстера, будущего министра финансов России, чтобы тот на месте разобрался с нуждами купцов и казаков.

Юлий Андреевич обстоятельно изучил ситуацию и после обильных возлияний с «барашком в бумажке» подал графу обстоятельный доклад о положении дел в регионе, о «торговом характере» местных жителей.

Историк Григорий Чалхушьян считает, что «Нахичевань и Таганрог стояли тогда неизмеримо выше Ростова, но первый город – чисто армянский, с армянскими судами, с автономным управлением, второй – чисто греческий город с греческим магистратом». Поэтому в Санкт-Петербурге и сделали выбор в пользу «русского» Ростова, который тот же Аполлон Скальковский называл «бурлацким», а газета «Русская мысль» – «мужицким городом в сплошном море казачества и греческого и армянского населения». А стало быть – верноподданническим.

В итоге 12 марта 1836 года таможенная застава вернулась на старое место, а местное купечество, сконструировав затейливый кукиш таганрожцам, образовало в Ростове Донское

торговое общество, колокольным звоном встретив первое иностранное судно у слияния Дона с Темерником.

Результат не замедлил сказаться. Уже в 1845 году через Ростовскую таможенную было оформлено товаров на общую сумму 3,288 миллиона рублей, тогда как через таганрогскую – всего на 2,271 миллиона рублей. До ростовских пристаней товары везти было просто ближе.

В течение первых 10 лет экспортные операции Ростова увеличились десятикратно, превзойдя Таганрог. А к концу 1859 года город отметил прирост торговли ровно в 30 раз. Вывоз хлеба увеличился в 100 раз, льна – в 60 раз. Если уральское железо ранее везли по реке до Таганрога или Керчи, где перегружали на большие пароходы, то теперь все отправляли из Ростова.

Развитию судоходства способствовало учреждение в 1865 году Гирлового комитета, который собирал по 1 рублю с каждой тысячи пудов груза для углубления судоходного канала и поддержания гирл в работоспособном состоянии. Собирая в год до 180 тысяч рублей, комитет обзавелся двумя 12-сильными землечерпалками, углублявшими гирла Переволоки, Каланча, Егурча и срезавшими перекаты, а также парой буксиров, которые снимали с мелей застрявшие суда, освобождая фарватер.

По данным Екатеринославского губернаторства, в навигацию 1836 года в Ростов пришло 262 судна и отправилось из порта 542, в 1850 году прибыло уже 2076, а отправилось 2462, в навигацию 1890 года через гирла прошли 8493 судна. Большинство из них были каботажными судами, что составило 50 % всего каботажа в Азовском море и вывело Ростов на первое место.

В 1900 году грузооборот порта составил 76,07 миллиона пудов, а в 1913 году – 213 миллионов пудов, выведя Ростов на второе место в империи (после Одессы). Из них до 100 миллионов пудов зерна уходило за границу.

К началу Первой мировой войны в Ростовском порту, где работало около 30 пароходств, ежегодно разгружалось более 300 отечественных и столько же иностранных пароходов, барж, парусников, а также бесчисленное количество мелких баркасов, барок, трамбаков, мокшан, белян и др. По своему грузообороту (400 миллионов рублей в год) он уже опережал все морские порты России – Петербург, Одессу, Херсон и Новороссийск, – став основными судоходными воротами страны. На начало 1914 года в Ростове работало 216 предприятий и фирм, делающих миллионные обороты. Многие из них создавались с большой долей иностранного капитала.

К 1850 году в городе открылись консульства Австро-Венгрии, Аргентины, Бразилии, Германии, Греции, Испании, Персии, Португалии, Турции, Франции, Швеции. Что только подтверждало заинтересованность иностранного бизнеса в новом торговом порту России.

А в 1870—1880-х годах, после отмены крепостного права, промышленного бума в регионе, прокладки железных дорог и развития целых новых отраслей экономики (металлургия, машиностроение, судостроение, угольная промышленность) в город на Дону потянулись десятки тысяч селян наниматься в рабочие.

В 1890-х годах на 100 тысяч населения Ростова приходилось до 25 тысяч пришедших сезонных рабочих из Орловской, Костромской, Владимирской губерний, которые в навигацию нанимались грузчиками в порту, где работы всегда хватало. Платили им поденно – в сезон до 75 копеек, а после окончания навигации – не более 20 копеек в день. Были среди них плотники, штукатуры, землекопы, кровельщики, все имущество которых составлял мешок за плечами. Но отсутствие системы среднего профессионального образования в России не позволяло этой массе людей рассчитывать на более-менее квалифицированный труд в городе.

Если численность населения Ростова с 1863 по 1885 год выросла в 3,3 раза (с 24 до 80 тысяч душ), то к началу XX века оно выросло еще наполовину. При этом 63 % населения были грамотными.

К 1916 году количество занятых в промышленном производстве рабочих приблизилось к 160 тысячам (4,9 % от всех работающих на Дону). Среднегодовой темп прироста составлял около 10 %, опережая общероссийский примерно на 1–1,5 %.

В донской столице были представительства десятков ведущих отечественных и мировых банков, при этом большая часть местной промышленности находилась в руках иностранного бизнеса – французского, английского, бельгийского, германского.

Иными словами, уже в начале XX века Ростов из заштатного уездного городишки с домами под камышовыми крышами превратился в процветающий полис, не только купеческий, но и промышленный, где крепки были позиции как торгового, так и финансового капитала. А стало быть, он стал привлекательным местом для появления здесь устойчивых преступных сообществ, готовых найти этому капиталу собственное применение.

До Великой реформы городское население активно пополнялось беглыми крепостными. По данным историков, ежегодно от помещиков сбегало более 200 тысяч крестьян. По многовековой укоренившейся привычке многие бежали на Дон, откуда, как известно, «выдачи не было». Прятаться в казачьих станицах и иногородних слободках было негде – все друг друга знали; в городе же, даже небольшом, затеряться гораздо легче. Здесь они оседали и кое-как обустроивались, а поскольку жить на что-то надо было, мелкие преступления и милостыня порой становились единственным источником существования. Кстати, те редкие фальшивомонетки и мошенники, которые тогда действовали в Ростове, занимались «выправлением» необходимых для беглых и бродяг документов – «темного глаза» (фальшивого паспорта). Нищенство в империи было запрещено и, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных императора Николая I, наказывалось заключением в работный дом сроком до двух лет. А что касается так называемого ленивого нищенства – здоровых людей, не желающих трудиться, и калек, то их предполагалось помещать в богадельни. Поэтому без «темного глаза» честным бродягам никак было не обойтись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.